

А. Банделье,
В.С. Ржеуцкий*

«РЕСПУБЛИКАНЕЦ» ФОРНЕРО: ШВЕЙЦАРСКИЙ ГУВЕРНЕР ПРОТИВ ЦАРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Швейцарские воспитатели в Северной и Восточной Европе

До Французской революции XVIII в. Швейцарская Конфедерация сотнями поставляла за рубеж гувернеров и гувернанток, воспитателей, детских нянь и даже компаньонов для развития соревновательного духа в детских играх мальчиков из хороших семей. Они ехали в Англию, Голландию и Германию еще до того, как в XIX в. заполнили Россию. Будучи частично франкоязычной страной, которой пришлось прибегнуть к эмиграции, чтобы прокормить всех своих жителей, Швейцария извлекала выгоду из того культурного доминирования, которым французский язык пользовался в европейских монархиях. Поскольку тех швейцарцев, кто говорил на диалекте, был католиком или обладал слишком ярко выраженным акцентом, чаще всего отвергали, выбор ограничивался практически лишь уроженцами Женевы, а также кантонов Во и Невшатель, выходцами из буржуазных семей реформатского вероисповедания. Они не сильно отличались от своих ближайших конкурентов из лютеранского графства Монбельяр в соседней Франции. Им удавалось входить в военные и дипломатические круги, в среду общения часовщиков и коммерсантов, академиков и деятелей искусства. Такая возможность появлялась у людей, говоривших на французском языке, что порой обеспечивало восхождение по социальной лестнице. Как отмечал тогда один сын пастора:

Настоящее счастье французам оттого, что их язык был в таком почете в Германии; стоит только подумать, сколько тысяч мужчин и женщин, говоривших по-французски, из Франции, Швейцарии и Нидерландов [Австрийских, то есть жителей современной Бельгии – *Авт.*] нашли там себе применение! Человек, не знающий ничего другого, кроме своего родного языка – французского, но правильно владеющий им, всегда может легко заработать себе на жизнь в Германии¹.

---

* *Андре Банделье, преподаватель университета Невшателя (Швейцария), Владислав Станиславович Ржеуцкий, кандидат исторических наук, преподаватель университета Париж X.*

¹ Письмо отцу Теофила Френа, служившего воспитателем в семье Бендорф богатейших литейщиков Реми, 24 июня 1789 г. – Corgémont. Archives municipales. Fonds Morel et Bandelier. D. 3.

Новые исследования заставляют нас внести коррективы в это высказывание. Французскому воспитателю, должность которого была временной, а положение неустойчиво, приходилось подстраиваться к требованиям родителей учеников и к конъюнктурным изменениям. В Европе постоянно существовала языковая конкуренция. Это видно, в частности, на примере языковой чехарды документов на латыни, немецком, французском и русском языках в деятельности, переписке и подготовке публикаций Санкт-Петербургской академии² или в языковом репрофилировании социальных групп, которое ослабляло или усиливало влияние французского языка в Англии во времена Французской революции³. В знатных дворянских или буржуазных семьях воспитатель детей, на месте которого часто оказывался молодой богослов без специального педагогического образования, был прежде всего учителем, так сказать, «общей практики». Он обеспечивал ученикам постоянную языковую среду и нередко был преподавателем нескольких иностранных языков, а не только французского: в его обязанности также входило обучение латыни, а порою немецкому или английскому языку. При этом он занимался и более общими предметами, обучая, в частности, основам религии и морали или занимаясь комментированным чтением «Приключений Телемаха» Фенелона⁴.

Сети ученых связей, сходящихся в Берлине к Жану-Анри-Самюэлю Формею, непремемному секретарю Прусской академии в 1748–1797 гг., позволяют нам взглянуть на деятельность швейцарских воспитателей в Северной Европе и России. 17 тысяч сохранившихся писем, 90% которых написано на французском, дают первое представление о месте французского языка в культурной жизни Европы. Его доминирование подтверждается перепиской Формея со 180 швейцарскими корреспондентами. Этот человек, родившийся в семье гугенотов, стал уважаемым в швейцарской диаспоре богословом, академиком и философом, учеником Лейбница, влиятельным журналистом. С ним в поисках должностей и выгодной оплаты переписывались уроженцы Базеля, Женевы, горожане Берна и их подданные из кантона Во или

² *Mumenthaler R.* Schweizer als Sekretäre der Petersburger Akademie der Wissenschaften // Bild und Begegnung. Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel-Frankfurt am Main, 1996. S. 419-446.

³ *Bandelier A.* Les métamorphoses d'un maître de français à Londres à la fin du XVIIIe siècle // Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde (далее – Documents). 1994. N°14. P. 17-24.

⁴ *Les Aventures de Télémaque, trois siècles d'enseignement du français.* Documents-SIHFLES. 2003. 30-31.

же их союзники из Невшателя⁵. Среди них около было тридцати воспитателей и гувернанток, преподававших французский язык при королевских дворах или в буржуазных семьях.

Швейцарские воспитатели работали на севере и востоке Европы, треть из них – в Пруссии, а также – в Саксонии и Лужицкой области, в Померании, Гессене, Пфальце, Гамбурге. По два-три адресата писали Формею из Нидерландов, Дании, Швеции, Польши и России. Известно, какое образование получили эти молодые люди: 12 изучали богословие, 5 – филологию и литературу, 4 – право и 2 – медицину. Оставшиеся двое самоучек – Жан-Жак Руссо и академик из Мюлуза Жан-Анри Ламбер. Это была самая образованная часть воспитателей, и многие из них достигли большого успеха: 10 стали членами Королевской академии наук и изящной словесности в Берлине, в том числе 3 – руководителями отделений. Все это подтверждает то важнейшее место, которое воспитатель занимал в XVIII в.; он был посредником между поколениями, между общественными классами, между культурами; учительство становилось первой профессией для многих членов того неформального сообщества, что называют «Республикой ученых»⁶.

Корреспонденция Формея, поддерживавшего переписку между академиями Берлина и Санкт-Петербурга⁷, дает некоторое представление о швейцарском присутствии в России, а именно – о важной роли ученых из Базеля, таких как Герман, Бернулли, Эйлер или Фусс, и о тех трудностях, с которыми на первых порах сталкивались эти люди⁸. В обязанности Формея входило регулярное сообщение литературных новостей, наем служащих и закупки для нужд Академии, опека русских студентов, обучавшихся за границей, формирование у журналистов положительного образа России при Екатерине II.

Анри Дюрантон первым дал описание того своеобразного бюро найма молодых юношей и девушек, которое неформальным образом держал в Берлине, благодаря своей житейской сметке, наш герой. Автор представил в весьма жалком виде молодых французских или франкоязычных протестантов, искавших применения своим талантам на се-

⁵ *Bandelier A.* Des Suisses dans la République des Lettres. Un réseau savant au temps de Frédéric le Grand. Genève, 2007.

⁶ *Bandelier A.* Echanges épistolaires et préceptorat des Lumières // Documents. 2002. N 29.

⁷ *Dulac G.* La vie académique à Saint-Petersbourg vers 1770 d'après la correspondance entre J.A. Euler et Formey // Académies et sociétés savantes en Europe (1650–1800). P., 2000. P. 221–263; *Fontius M.* Berlin korrespondiert mit Petersburg. Zwei Tagebuchsreiber im Dialog // Wolfenbütteler Forschungen: Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. B. 74. S. 189–212.

⁸ См.: *Caravolas J. A.* Histoire de la didactique des langues au siècle des Lumières. Montréal, 2000. Ch. 8 La Pologne, la Scandinavie et la Russie. P. 247–265.

вере Европы⁹. Конечно, описание трудных условий жизни гувернера было в то время излюбленным литературным штампом. В «Трактате о воспитании детей» философ из Лозанны Жан-Пьер де Круза упоминал о старой поговорке, смысл которой состоял в том, что если вам приходится служить воспитателем, то это означает, что вы навлекли на себя гнев Божий¹⁰. Молодая же переводчица, вдова Хек, связывала этот предрассудок преимущественно с работой в России и «с ужасом» отказалась в октябре 1775 г. от соответствующего предложения. Надо отметить, что и в других источниках возможность работы в России рассматривается лишь как крайняя. Так обстояло дело в 1785 г. с одним рыцарем удачи, которого французский пастор в Стокгольме Жан-Пьер Катто думал послать в эту страну, как преступников ссылают на галеры: «К нам тут приезжал один авантюрист, называвший себя бароном де Балло <...>. За два года я видел таких, по меньшей мере, дюжину. Ему удалось добиться беседы с королем, и, думаю, чтобы отделаться от него, его отправят за казенный счет в Санкт-Петербург, который, обычно, бывает последним местом назначения таких курьеров»¹¹.

Поколением раньше уроженец Невшателя Эмер де Ваттель, саксонский дипломат без определенных занятий, до выхода в свет своего знаменитого трактата «Право народов или принципы естественного права» доверительно сообщает в одном письме: «Если бы представилось какое-либо другое заведение, ваш друг предпочел бы его тому, где он сейчас. Вспомните о нем, если случайно вам подвернется случай помочь ему. Для него все страны хороши, кроме России, климат которой слишком холоден»¹². Известно, что Поль-Анри Малле, преподававший французский язык и литературу датскому принцу Кристиану, в 1764 г. отказался от места воспитателя великого князя Павла Петровича¹³. Поэтому неудивительно, что, несмотря на положение клана Эйлеров в Санкт-Петербурге, швейцарская ветвь сети Формея насчитывала лишь четырех гувернеров из России¹⁴: уроженку Невшателя Сюзанну-Элизабет Лекен (Lequin), урожденную де Желье (Gélieu), работавшую гувернанткой в Германии и России в 1760-х гг.; в следующем деся-

⁹ *Duranton H.* Un métier de chien. Précepteurs, demoiselles de compagnie et bohème littéraire dans le Refuge allemand // *Dix-huitième siècle.* N°17, 1985. P. 297-315.

¹⁰ *Crousaz J.-P. de.* Traité de l'éducation des enfants. La Haye, 1722. T. 1. P. 157.

¹¹ *Duranton H.* Op. cit. P. 309, 312.

¹² Ваттель – Формею, Невшателю, 21 октября 1753 г. – Cracovie, Bibliothèque Jagiellonne, collection Varnhagen von Ense, 270.

¹³ Пост, до этого предлагавшийся д'Аламберу. См. *Stadler H.* Paul-Henri Mallet 1730-1807. Lausanne, 1924. P. 129.

¹⁴ О сохранности этих четырех переписок см. *La Correspondance de Jean Henri Samuel Formey (1711-1797): inventaire alphabétique.* P., 2003.

тилетию – Генриетту Мюллер (Müller), будущую придворную чтицу королевы-матери Швеции, работавшую гувернанткой в нескольких русских семьях; некоего Мюре (Muret), уроженца кантона Во, гувернера в Санкт-Петербургском Кадетском корпусе, и Николая Форнеро (Fornerod), воспитателя в Белоруссии и Москве, о котором речь пойдет далее.

Это сообщество слишком мало для каких-либо обобщений на его примере, но имеющиеся сведения позволяют сделать одно уточнение. Госпожу Лекен, благородного происхождения, смерть мужа побудила искать работу за границей, чтобы обеспечить будущее ее детей. Находясь в Риге, она способствовала найму на работу одной гувернантки, перечисляя в письме необходимые для этой должности качества:

Если, как вы пишете, мадемуазель Молини, эта барышня [де Кетлер] имеет важное преимущество, говоря на правильном французском языке, обладает мягкостью характера и способна сформировать душу ребенка, то господин барон Будберг поручил мне передать ей, что он с удовольствием примет ее услуги. <...> Это действительно то место, которое подойдет воспитанной особе¹⁵.

Несмотря на новые веяния в педагогике века Просвещения, изучение языков, как и прежде, происходило либо в прямом контакте учителя и ученика, либо через самостоятельную работу, либо путем приобретения разговорных навыков в общении со слугой или служанкой. Этим объясняется наше обращение преимущественно к документам частного характера: переписке, семейным дневникам, мемуарам¹⁶.

Появление паспортов в конце XVIII в. позволяет установить момент возрастания моды на швейцарских воспитателей в России. Используя такой источник как паспорта, Ален Маэдер проанализировал в Невшателе среду, которую мигранты покидали, и ту, которая их принимала¹⁷. Результатом стала первая статистическая оценка, показательная для романской Швейцарии¹⁸. В 1800 г. кантон и княжество Невшатель насчитывали чуть более 46 тысяч жителей и, приблизительно, 125 тысяч – век спустя. Хотя речь не идет обо всех выходцах из Не-

¹⁵ Лекен, урожденная де Желье – Формею, 3 ноября 1768 г. (ст. ст.). – Staatsbibliothek zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Nachlass Formey (далее – Архив Формея). К 24.

¹⁶ Подробнее см.: *Bandelier A.* Des gouverneurs et gouvernantes suisses dans les Provinces-Unies au siècle des Lumières // *Belle de Zuylen / Isabelle de Charrière.* Education, création, réception. N.Y., 2006. P. 103–123. В этом исследовании собраны сведения о примерно двадцати гувернерах между 1683 г. и 1830-ми гг., из которых две трети работают в Республике Соединенных провинций между 1740-ми и 1760-ми гг.

¹⁷ *Goehke C.* Schweizer im Zarenreich: zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zurich, 1985.

¹⁸ *Maeder A.* Gouvernantes et précepteurs neuchâtelois dans l'Empire russe (1800–1890). Université de Neuchâtel, 1993 (Cahiers de l'Institut d'histoire, 1).

вшателя (до середины XIX в. они могли получать и прусский паспорт в силу особой связи с королевством Пруссии), даже по имеющимся данным, этот небольшой регион дал не менее 1460 воспитателей, гувернанток и нянь, работавших в России в период с 1798 по 1890 г. Пока еще невозможно сопоставить эти цифры с данными по более населенным кантонам Во и Женева. Отметим, однако, что с 1851 по 1865 г. служившие в России воспитатели из Невшателя составляли лишь пятую часть от общего числа воспитателей этого кантона, работавших за границей, что дает некоторое представление о масштабах данного явления. После периода ограниченного присутствия швейцарских воспитателей в России в начале XIX в., следуют периоды небывалого роста в 1820–1830 и, в особенности, в 1860–1885 гг. Именно на вторую половину XIX в. пришелся пик эмиграции уроженцев Невшателя в Россию. Со временем среди них стало больше женщин. Этому способствовало введение в России обязательного школьного образования и падение доходов в дворянской и буржуазной среде. Если в начале этого периода женщины составляли от половины до двух третей всех приезжавших в Россию швейцарских воспитателей, то с 1860 по 1890 г. уже 90%. Также росла и доля выходцев из разночинных семей. Таким образом, значительная часть молодежи Невшателя находила себе заработок, поступая на работу в русские семьи, а иногда в систему государственного образования России, что порою вело даже к получению личного или наследственного дворянства¹⁹. Среди приезжавших доминировали возрастная категория от 16 до 24 лет. Случалось, когда спутниками русских детей в играх становились швейцарские дети в возрасте 8–10 лет. Воспитатель из Невшателя, получивший хорошую подготовку в XIX в. – эпохе профессионализации образования, – мог рассчитывать на приличное жалованье, только если был в состоянии добавить к свободному владению французским также знание немецкого или английского языка. Швейцарские девушки, не имея возможности получить педагогическое образование вплоть до 1883 г., порою обладали низкой языковой или методической подготовкой. Впрочем, так было далеко не всегда, о чем свидетельствуют некоторые характеристики гувернанток. В университетской библиотеке Невшателя хранятся воспоминания о моде на репетиторство в России и свидетельства о роли гувернанток в культурных связях двух стран. Швейцарские гувернеры были авторами русско-французских, русско-немецких и русско-английских

¹⁹ Жанна Ловис недавно проследила одну такую карьеру, которая привела гувернера к высокому положению и достатку. – См.: *Lovis J. Un Jurassien chez les Tsars. Constantin Lovis, 1807-1887, précepteur en Russie. Neuchâtel, 2007.*

словарей, составителями грамматик русского языка для иностранцев и французского языка для образовательных учреждений России, переводчиками литературы со славянских языков.

Первым из швейцарцев в России часто называют женеvца Франсуа Лефорта, друга и советника Петра I, **получившего от него звание адмирала**. А когда говорят о гувернерах, все сходятся на том, что после некоторой утраты значения немецкого языка, участвовавшего в создании первой культурной модели в ориентированной на Европу России, один из выходцев из кантона Во решающим образом повлиял своей деятельностью на формирование авторитета швейцарских преподавателей в России – Фридрих Цезарь Лагарп, воспитатель великих князей Константина и Александра Павловичей. Мода на гувернанток и воспитателей из Швейцарии утвердилась и существовала в России вплоть до Октябрьской революции. Французский язык долгое время оставался здесь знаком социального отличия. Образовательной эмиграции из Швейцарии в Россию, несомненно, способствовали устойчивое недоверие, сформировавшееся в России к послереволюционной Франции, а также предпочтение лютеранам и кальвинистам перед католиками, имевшими общую религию с поляками, которых русские традиционно считали недругами. Окончание этой истории связано с именем Пьера Жильяра, преподавателя из Лозанны, учившего французскому дочерей и сына последнего русского императора. Он оставался с царской семьей вплоть до ее казни в Екатеринбурге²⁰. А тем, кому дороги иные идеалы, напомним, что еще один представитель Невшателя – Жак-Алексис Ламберт – с 1889 г. работал в той самой симбирской гимназии, где ранее учился Владимир Ильич Ульянов (Ленин)²¹.

* * *

Западные сочинения о России чаще имели целью не столько описание российской действительности, сколько осуждение деспотизма и стремление исключить восточнославянские народы из числа европейских наций. Хронологически на полпути между «Путешествием в Сибирь» Жана Шаппа д'Отроша 1769 г. и «Россией в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина располагаются сочинения двух гувернеров, заявлявших о своем реальном знакомстве с Россией. Этих двух авторов несколько поспешно причислили к французам, в то время как они были, скорее, франкоязычными. Первый из них – уроженец графства Монбельяр Шарль Массон, человек, близкий ко двору великого князя Александра Павловича, а впоследствии – генеральный секретарь объ-

²⁰ Gilliard P. Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille. P., 1921.

²¹ Maeder A. Op. cit. P. 103.

единенного департамента Рейн и Мозель²². Второй, о происхождении которого мало что известно, – Никола Форнеро, выходец из кантона Во, к тому времени только что освободившегося от опеки Берна. Первый опубликовал «Секретные записки о России», второй анонимно выпустил в июле 1799 г. «Антидот или Русские, какие они есть, а не такие, какими их считают» – название, напоминающее об ответе Екатерины II на книгу Шаппа²³. В следующем месяце из печати вышло еще одно, также анонимное произведение «Взгляд на современное состояние России, рассматриваемой в физическом, духовном, экономическом, политическом и военном отношении, или Русские, какие они есть». В нем приписка («написано Другом Истины и Свободы») была сокращена до «написано другом Истины»²⁴.

Родина воспитателя

С незапамятных времен семья Форнеро проживала в Авенше²⁵. В прошлом называемая Авентикумом, эта «столица гельветов» была недолгое время центром одной из первых епархий Швейцарии, перешедшей на сторону Реформы, а затем – главный город бернского судебного округа. В 1785–1786 гг. губернёр Форнеро написал из Москвы три письма Формею²⁶. В январе 1792 г., когда вышла в свет его «Ода о мире, заключенном в Яссах между Россией и Оттоманской Портой», он еще был гражданином Берна. При Швейцарской республике, когда в августе 1799 г. он опубликовал в Лозанне «Взгляд на современное состояние России», судебный округ Авенша был присоединен к кантону Фрибур. Город вернулся к своим историческим истокам лишь с принятием Посреднического акта 1803 г., подтвердившего принадлежность округа Авенш к кантону Во²⁷.

²² О нем см., например: *Bouteiller G.* Charles-François-Philibert Masson de Blamont, auteur méconnu de la «Nouvelle Astrée» // *Bulletin et Mémoires de la Société d'émulation de Montbéliard*. 1987 [1988]. Vol. 83. N° 110. P. 363–392. и статью Н.Ю. Вошинской в настоящем издании.

²³ [*Catherine II*]. *Antidote*. Pt. 1. Saint-Petersbourg, 1770; Pt. 1-2. Amsterdam, 1771–1772. См.: *Liechtenhan F.-D.* La progression de l'interdit: les récits de voyage en Russie et leur critique à l'époque des tsars // *Revue suisse d'histoire*. Bâle, Schwabe, 43, 1993/1. P. 15–41; *Idem*. De l'abus de l'historiographie. Approches de l'histoire russe de Heberstein à Custine // *Cahiers du monde russe*. 2000. 41/1. P. 135–149. Эпитет «Республиканец Форнеро» заимствован нами из последней ее статьи (P. 145).

²⁴ Первое название не было изменено при повторении заголовка, следующего за Введением. Интересно, что экземпляры книги, сохранившиеся в Лозанне (Bibliothèque cantonale et universitaire. Cotes E 1745 et Hist. 2751), представляют собой сборники, состоящие из двух произведений: *Antidote* следует за кн.: *Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762*, par Mr de Rulhière, P., 1797. *A Coup d'œil* предшествует кн.: *Mémoires particuliers, extraits de la correspondance d'un voyageur avec feu Mr Caron de Beaumarchais, sur la Pologne, la Lithuanie, la Russie blanche, Pétersbourg, Moscow, la Crimée, etc., Hambourg, 1807*.

²⁵ *Delédevant H., Henrioud M.* Le Livre d'or des familles vaudoises. Genève, 1988. P. 201.

²⁶ Архив Формея. К 16 и К 44 (Иоганн Альбрехт Эйлер). См.: *Bandelier A.* Des Suisses dans la République des Lettres. Un réseau savant au temps de Frédéric le Grand. Genève, 2007. P. 30, 54, 92.

²⁷ *Dictionnaire historique de la Suisse*. Hauterive, 2002. T. 1. P. 630–632 (статьи «Avenches (commune)» и «Avenches (bailliage, district)», а также на сайте www.dhs.ch).

В церковно-приходских книгах Авенша фигурируют записи о рождении двух детей под именем Никола Форнеро в середине XVIII в.: в 1747 и 1751 гг.²⁸, и мы не можем определить с точностью, который из них стал впоследствии автором сочинений о России.

Авенш с населением менее 1000 душ, как и многие другие «славные города» кантона Во, долгое время находился на торговом тракте, проходившем через равнинную часть Швейцарии. В 1751 г. город удостоили чести, проложив через него новый «королевский путь» властителей Берна. В 1753–1754 гг. горожане построили новую Ратушу, а до этого перестроили городскую больницу, а в 1720-х гг. основали первый колледж. Убрал со своей территории амбары и пристройки деревенского типа и построив новые частные дома, жители придали Авеншу более буржуазный вид. Кульминацией этого процесса стало строительство в 1797 г. внушительного по размерам дома семьи Форнеро, замкнувшего перспективу Гран-Рю, главной улицы города²⁹.

Из имеющихся документов вырисовывается портрет семьи Форнеро – зажиточных столяров и слесарей, принимавших участие в возведении новой городской Ратуши. Семья владела несколькими домами, и ее члены занимали посты в муниципальном управлении и в низовом звене судебной иерархии, например, пост *banneré*, разновидность третейского судьи. Изредка кто-то из семьи становился пастором. Давид Форнеро был единственным уроженцем Авенша, ставшим архитектором. Ни один Никола Форнеро не посещал Лозаннскую академию, откуда вышли многие протестантские священники и судейские работники. Но наш герой, несомненно, ходил в местную школу для мальчиков и в колледж своего родного города.

Форнеро в Москве

По нашим данным, сохранилось лишь три письма, написанных им из Москвы. Известно, что Никола Форнеро побывал у Формея в Берлине и первое, утраченное письмо отправил ему весной 1784 г. с Абелем Буржа, французским пастором во Фридрихштадте и бывшим

²⁸ 1) Никола Форнеро, сын Эктора, советника и судьи в Авенше, и Марии-Анны Боссе, крещен 2 марта 1747 г. Крестные отцы: Давид Бонжур, судья в Авенше, и Никола Анри Долейр. Крестная мать: Мария, жена Никола Дютерро, судьи в Авенше (Archives cantonales vaudoises. EB 9/4. 286). 2) Никола Форнеро, сын Авраама, из Авенша, и Мадлен Рапен, из Пайерна, крещен 2 марта 1751 г. Крестный отец: Никола Рапен, дядя по материнской линии. Крестная мать: Сюзанна Форнеро, жена Пьера Сотье, тетья по отцовской линии (Ibid. EB 9/4. 314). Мы горячо благодарим Жильбера Кутаза и Пьера-Ива Фавеза за данные уточнения.

²⁹ Grandjean M. Avenches, la ville médiévale et moderne. Urbanisme, arts et monuments. Avenches, 2007, 2 v. Сведения, относящиеся к семье Форнеро, можно найти по указателю, Т. 2. P. 558.

преподавателем Санкт-Петербургского кадетского корпуса. Форнеро сообщал Формею о своем положении и, проявляя уже тогда задатки антрополога, высказывал мнение о «способе бытия жителей в условиях гиперборейского климата». Оказавшись в Российской империи в 1779 г., он пробыл три года в Белоруссии, воспользовавшись протекцией тамошнего генерал-губернатора Захара Григорьевича Чернышева. Затем, после шестимесячного пребывания в Санкт-Петербурге, констатируя, что не нашел в столице того, что искал, он решил попытаться счастья в Москве, куда и прибыл в сентябре 1784 г. Через две недели он нашел место у генерал-майора князя Голицына, которое ошибочно посчитал временным. В мае 1785 г. он попросил Формею рекомендовать его куратору Университета, генералу Ивану Ивановичу Мелиссино. Его целью было получение должности, которая позволила бы ему путешествовать и избежать положения гувернера. Он дает обычное для того времени описание положения домашнего образования в России:

[Мой хозяин] человек невероятной скупости. У него один сын и три дочери, и он настолько нетребователен к образованию сына, что по очереди приставлял к нему в качестве воспитателя ученика парфюмера, а затем слугу и по совместительству цирюльника. У последнего, которого я сменил, брат служит лакеем в другом доме. Он нанимал этих ничтожествов, потому что мог дешево им платить. Кажется, он посчитал, что сделал большое усилие, назначив мне 500 р. жалования, без какой-либо иной перспективы, будь то увеличение жалования [или] возможность путешествий. В остальном в этом доме мне настолько приятно, насколько гувернеру может быть приятно в Москве. Моему ученику одиннадцать лет, он красив как ангел и весьма неглуп, но его характер настолько ужасно испорчен дурными наставлениями и примерами гувернеров, которые обучали его до меня, что меня это пугает и возмущает. Я не вижу иного средства для его исправления, как только забрать отрока из родительского дома, но его отец слишком скуп, чтобы на это согласиться, и я решил оставить его после года работы, чтобы не быть вынужденным отвечать за те мерзости, которые этот молодой человек неизбежно совершит однажды.

В предложениях места гувернера у меня не будет недостатка. Эти места столь распространены, а предлагающие их так нетребовательны, что нет лакея, портного, сапожника, мясника, десертира и прочей братии, кто не был бы уверен, что с легкостью найдет себе такое место с жалованием в 400, 500 или 600 рублей, если он говорит по-французски. И хотя в сознании достойных людей моя репутация уже ставит меня выше всех этих ничтожеств, тем не менее, я испытываю стыд оттого, что имею нечто общее с ними³⁰.

Не имея возможности путешествовать, Форнеро решил стать

³⁰ Форнеро – Формею, Москва 8 мая ст. ст. 1785 г. – Архив Формея. Док. К 44.

преподавателем французского языка и литературы в Университете. Момент для представления кандидатуры показался ему удачным, учитывая многочисленные огрехи некоего титулярного преподавателя, на место которого он претендовал: «Тот, кто занимает его сегодня, так увлечен своей торговлей конфитюрами, соленьями, оливковым маслом и прочим, дачей денег под залог и разными *аферами*, что совершенно запустил занятия, и все ждут, что со дня на день его уволят»³¹.

Форнеро попросил для себя рекомендательное письмо. Он получил их даже два, но с настоятельным предложением изменить начальное не слишком вежливое обращение «Мой дорогой Господин!» на «Господин и почтеннейший Отец!», более соответствующее различию в положении и возрасте просителя и адресата. Похоже, тридцатилетний гувернер был мало знаком с обычаями света. Его свободные, хотя и не без подхалимства, речи «на швейцарский манер», несомненно объясняют его неудачи и закрепившийся за ним эпитет «республиканец».

Ответное письмо в октябре 1785 г. с выражением благодарности и, как всегда, с обилием деталей проливает свет на его неудачные попытки найти другое место. Первая встреча Форнеро с графом Яковом Александровичем Брюсом, губернатором Москвы, продолжалась лишь четверть часа. После обнадеживающего начала, которым Форнеро обязан представленной им рекомендации, разговор перешел на колкости:

Прочтя Ваше письмо, [Брюс] сказал, что оно исходит от лица, которое он уважает и высоко ценит, и что ему хотелось бы иметь возможность доказать ему свои чувства. При этом он очень любезно добавил, что сделает все от него зависящее, чтобы оказать мне услугу, и что мне надлежит лишь точно изложить, чего я жду от него. После такого начала, когда я мог поверить, что он назначит меня, по меньшей мере, государственным Секретарем, я почтительно ответил, что в настоящее время желаю лишь уверенности в том, что он окажет мне свою протекцию и позволит посещать его. Он обещал мне первое и очень любезно разрешил второе, спросив, где я живу. Далее я добавил, что, если впоследствии Его Превосходительство случайно узнает о вакантном месте секретаря, библиотекаря или компаньона у какого-нибудь знатного вельможи, либо о возможности путешествовать, сопровождая молодого юношу из хорошей семьи, я низжайше молю его вспомнить при этом обо мне. На это он ответил, несколько сменив тон, что найти такое место представляется крайне затруднительным, даже почти невозможным в этой стране и что он думал, будто речь шла лишь о месте воспитателя для детей, каковое место он довольно легко мог бы мне найти. На это я ответил, что для того не нуждаюсь ни в рекомендации, ни в нем самом, что, занимаясь уже шесть лет этим несчастным ремеслом, возымел к

---

³¹ Ibid.

нему отвращение и что именно потому я попросил Вас помочь мне получить его всесильную протекцию, с которой, без сомнения, я смог бы найти какое-нибудь другое место, более соответствующее моему вкусу и моим принципам.

– Как, – воскликнул он, – вы уже шесть лет в России! А я считал, что вы только что прибыли из Берлина! Но тогда вы должны знать так же хорошо, как и я, что то, о чем вы просите, невозможно или, по крайней мере, очень трудно найти, хотя, посмотрим, – и на том он протислся со мной.

Прием у Мелиссино был более обнадеживающим. Разумеется, генерал и куратор Московского университета не преминул напомнить о почти забытом указе, который с 1757 г. **предписывал каждому преподавателю** пройти экзамен в Санкт-Петербургской академии наук или Московском университете. Но похоже, что в конце он согласился с пессимистической взглядом на частное и университетское образование в России, который развил перед ним Форnero:

Когда я представил ему Ваше письмо, он спросил: «А тайный советник Формей еще помнит обо мне?» По его прочтении он очень любезно уверил меня, что приложит усилия к тому, чтобы оказать честь рекомендации человека, которого он почитал и очень уважал. И с тем, чтобы тут же дать мне тому доказательство, он очень серьезно посоветовал следовать указам Ее Величества, согласно которым любой иностранец, желавший получить здесь должность гувернера, должен был пройти экзамен в Университете и получить о том сертификат под угрозой, при несоблюдении этого распоряжения, быть выдворенным за пределы страны.

Придя в себя от удивления, в которое меня поверг этот серьезный дружеский совет, я ответил с улыбкой, что в течение шести лет, пока я имел несчастье заниматься неприятным ремеслом репетитора в России, никто никогда не сомневался в моих скромных талантах и от меня никогда не требовали никакого сертификата в то время, как я мог представить еще и любые другие. Но что мое самолюбие претило мне предстать на экзамене перед неким профессором Бодэ или Бодуэном, который, как все говорят, похоже, лучше разбирается в анчоусах, оливковом масле и болонских колбасках, чем во французской литературе. И что, наконец, я не считаю такой сертификат необходимым для себя, потому что не желаю ничего сильней, как оставить свое занятие, для которого я не создан и которое с каждым днем нравится мне все меньше.

Это свидетельство интересно тем, что в точности совпадает с представлением о данной профессии, о которой пишут многие гувернеры. Тот, о ком с таким презрением отзывается Форnero, несомненно, Жан-Жак Бодуэн, поступивший на работу в Московский университет в 1773 г. Однако свидетельство Л. Бахмейстера дает нам иное представление о качествах этого «продавца оливкового масла»: «Он хорошо говорит по-французски, изъясняясь на этом языке с легкостью и точностью, соблюдая правила орфографии и прочие правила грамма-

тики. Он без труда может прокомментировать античного автора и довольно хорошо переводит с этого языка. Наконец, он силен в истории и географии. Одним словом, среди французов, которые приезжают сюда, редко можно найти кого-то, у кого были бы такие познания»³². Бодуэн был автором нескольких од и торжественных речей, опубликованных в университетском издательстве в 1770–1780 гг. Но совсем не исключено, что, с целью увеличения своих ежемесячных доходов, он приторговывал «болонскими колбасками», что портило его репутацию в московском франкоязычном сообществе. Отдавая себе отчет в талантах собеседника, Мелиссино, по словам Форнеро, изменил тон:

Он со смехом ответил мне, что вовсе не имел в виду, что такой человек, как я, сидя на экзаменационной скамье, должен предстать перед университетскими профессорами, как это проделывают с являющимися сюда ничтожными французскими авантюристами, что все это чистая формальность с целью получения сертификата, но что больше он не будет мне об этом говорить и, что, поскольку мне это было неприятно, в крайнем случае, я могу обойтись и без сертификата. Я думал точно так же, поскольку никто никогда мне не говорил ни о каких сертификатах, а половина бездарных гувернеров, которых мы здесь видим, не осмеливается или не хочет просить сертификат, но, тем не менее, продолжает работать. Как бы то ни было, г-н Мелиссинов в конце концов согласился с моими планами и оставил мне надежду на возможность их скорого осуществления. Затем мы побеседовали о дурных гувернерах в этой стране и их бесполом преподавании. Наконец, я покинул его после добрых двух часов беседы.

Ни Брюс, ни Мелиссино, уверивший Форнеро в том, что тот может встречаться с ним так часто, как пожелает, уже не проявляли такой благосклонности к нему несколько месяцев спустя. И тот и другой ожидали персонального письма на их имя от неперменного секретаря Королевской академии наук, и, не получив удовлетворения своему честолюбию, охладели к бедному подателю прошений. Брюс попросил Формея рекомендовать ему гувернантку для дочери, «ученицы весьма избалованной отцом и невыносимой гордячки». Мелиссино задумал проект переписки между Берлинской академией и Московским университетом по образцу той, которую Формей и Иоганн Альбрехт Эйлер вели между Прусской и Санкт-Петербургской Императорской академиями³³, решив представить такой проект императрице. В конце концов он отказался от этого плана, а Форнеро продолжил препода-

³² СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед.хр. 239 (1773). Л. 15.

³³ Fontius M. Berlin korrespondiert mit Petersbourg. Zwei Tagebuchsreiber im Dialog // Wolfenbütteler Forschungen. Sonderdruck : Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Band 74. S. 189–212.

вание в семье Голицыных и, расширив свои связи, включил в их круг семьи Каменских и Щепотьевых, будучи вынужден и далее «влачить жалкое существование в ледяном климате»³⁴.

В 1793 г. Форнеро уехал из России в Швейцарию, разочарованный тем, что не сделал карьеры. Несмотря на его швейцарское происхождение, несомненно, его решение покинуть Россию в определенной мере связано с указом от 8 февраля того же года, согласно которому с территории Российской империи выдворялись французы, не присягнувшие на верность королевской власти после казни Людовика XVI³⁵. О судьбе нашего гувернера по возвращении в Швейцарию нам ничего не известно до тех пор, пока он не занялся открытой пропагандой в пользу наполеоновской Франции. В упомянутом «Взгляде» Форнеро прославляет мощь французских армий, движимых «единственно порывом своего патриотизма» и без устали сражающихся с «союзом королей, объединившихся против свободы». Более всего ему внушают страх русские войска, пришедшие на помощь европейским монархам³⁶. Этим он вполне оправдывает свой эпитет «республиканец».

Жозеф-Мари Керар счел возможным приписать «Антидот или русские, какие они есть» некоему «Форнеро, секретарю-переводчику гельветической миссии»³⁷. Он спутал нашего автора с Бенжаменом Самюэлем Форнеро (1753–1819), пастором из Вюльеренса, секретарем специальной миссии, отправленной в Париж в конце 1799 г.³⁸ Но речь может идти о Николае Форнеро, избранном 7 апреля 1803 г. Большим Советом кантона Во в качестве «дополнительного кандидата от кружка Планш», но отказавшемся от места... Другой Николае Форнеро, родившийся в 1751 г. и умерший в Авенше 25 июня 1799 г., не мог быть нашим «героем», личность которого до сих пор окружает тайна.

Два взгляда на историю России

Форнеро, автор «Взгляда на современное состояние России», знаком с произведениями западных авторов об этой стране: он цити-

³⁴ Форнеро – Формею, Москва 1 февраля ст. ст. 1786 г., получено 13 марта – Архив Формея, док. К 16.

³⁵ Coup d'oeil. P. 5 (он провел в России четырнадцать лет, а именно, с 1779 по 1793 г.). P. 93 (в 1795 г. Форнеро познакомился с русским пленным, находившимся проездом в Швейцарии, и беседовал с ним сначала по-немецки, а затем по-русски).

³⁶ Ibid. P. 43, 195–196.

³⁷ Les supercheries littéraires dévoilées. P., 1869. T. 1 : A-E. P. 304.

³⁸ Berne, Archives fédérales, Procès-verbaux du Directoire, BO 1000/1483 : vol. 294, 296 et 316 – сведения, любезно сообщенные Кристин Лауэнгер. См. также: Favez P.-Y., Marion G. Le Grand Conseil vaudois de 1803. Notices biographiques des députés élus en 1803, 1808 et 1813. Chavannes-près-Renens, 2003. P. 99.

рует Олеария, Мейерберга и других. Продолжительное пребывание в России позволило ему собрать сведения об ее истории, узнав, что та начинается не с Петра I. Форнеро утверждал, что историю России он изучал не по книгам Вольтера, подчеркивая тем самым скептическое отношение к его «русским» произведениям. Так он упоминает письмо Ивана Грозного императору Карлу V и ответ на него. Форнеро пишет, что видел эти письма в архивах в Москве³⁹.

Произведение Форнеро основано на критике философов, в частности, их мнений о современной России и о «революции», произведенной Петром I в русской истории. Основной мишенью критики Форнеро избирает Вольтера, автора, на которого делались неизбежные ссылки, когда речь шла об истории России последних лет. Если Вольтер представляет русских в начале царствования Петра как варваров и глупцов, то это делается «для вящего блеска его героя»⁴⁰. Форнеро находит неувязку в рассуждениях Вольтера и подвергает критике его видение допетровской России:

Несомненно, что в то время, о котором он говорит, русские не были цивилизованы на манер французов, немцев и других европейских народов; но они были цивилизованы на свой манер, и, возможно, были не хуже других⁴¹.

Он также цитирует многочисленные примеры, показывающие, что русские в старину обладали чертами определенной цивилизации. Речь идет о последовательных попытках создания кодекса законов при Ярославе Мудром, Иване Грозном, Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче, о браке дочери Ярослава с одним из королей Франции⁴², пребывании в России, начиная с XVI в., **многочисленных представителей** Западной Европы, в том числе деятелей искусства, торговле через Архангельск, первых торговых соглашениях, большой иностранной колонии в Москве и т.д.⁴³. Меняя угол зрения, с которого все привыкли рассматривать историю России, Форнеро даже утверждает, что именно при «варварских» правителях были осуществлены важные улучшения, в то время как те реформы, которые «наделали больше всего шума», не сыграли большой роли, «несмотря на сильное желание совершивших их сойти за законодателей»⁴⁴. Количество указов умножилось настоль-

³⁹ Coup d'oeil. P. 27.

⁴⁰ Ibid. P. 24.

⁴¹ Ibid. P. 24.

⁴² Форнеро ошибается, говоря, что этим королем был Филипп I. На самом деле Анна стала супругой Генриха I.

⁴³ Coup d'oeil. P. 27–28.

⁴⁴ Ibid. P. 25.

ко, что разобраться в них невозможно. Форнеро хочет особенно уязвить Екатерину II – образец для философов Просвещения – именно в ее царствование, как отмечает Форнеро, вышло больше всего указов.

Точно так же Форнеро разрушает идею о Петре I как создателе русской армии. Он утверждает, что уже до Петра в России существовала дисциплинированная и управляемая иностранцами армия. В подтверждение он детально разбирает улучшения, произведенные в армии со времен Ивана Грозного.

Отвергая вольтеровскую идею, согласно которой Россия возникла из ничего благодаря усилиям Петра I, Форнеро подвергает ее критике с помощью аргументов, уже использованных некоторыми его предшественниками. Среди них – Филипп Эрнандез, который, как и Форнеро, провел много лет в Москве и тоже интересовался древнерусской историей. Эрнандез, собравший обширную коллекцию книг и рукописей, в основном по истории России, считал, что у Вольтера не было в наличии необходимых источников для написания подлинной истории этой страны⁴⁵. Но если проект Эрнандеза заключается в уточнении и исправлении слишком поспешных утверждений знаменитого философа, с опорой на обширную документальную базу, собранную за годы пребывания в России, то замысел Форнеро был несколько иным.

«Цивилизация» русских

Основной тезис Форнеро заключается в том, что вслед за «цивилизацией» русских последовал упадок их нравов. По его впечатлению, до западной ориентации России характер русских был лучше: в нем открывались «черты величия души, патриотизма, добродетели и благородства настолько же, насколько и в истории любого другого ныне живущего народа»⁴⁶. И напротив:

<...> что бы ни писали и ни публиковали об их так называемой цивилизации, реально она послужила лишь тому, чтобы прибавить пороки других наций к тем, которые у них уже были, нисколько не улучшив их характер⁴⁷.

Внимание привлекает слово «цивилизация» (*civilisation*). Оно довольно ново: до середины века говорили, скорее, о *caractère civil* некоторых наций. Слово «цивилизация» описывает состояние, достигнутое западными обществами, в которых элиты научились следовать

⁴⁵ Rjéoutski V. Aux sources de l'histoire de la Russie dans la France des Lumières: Philippe Hernandez et sa bibliothèque // Naissance de l'historiographie russe. Slavica Occitania. 2009. 28. P. 261–294.

⁴⁶ Coup d'oeil. P. 36.

⁴⁷ Ibid. P. 23.

правилам вежливости и где значительную роль играют науки и искусства. Теории цивилизации получили развитие, в частности, в работах шотландских экономистов. Благодаря некоторым знатокам России (Санчес, Дюмареск, Дидро) понятие «цивилизации» стало применяться и к русской действительности. Опираясь на Юма, Робертсона, Смита, эти философы сформулировали критерии, необходимые для развития цивилизации в России, и подвергли критике поверхностный и недостаточный характер петровских реформ, которые не позволили по-настоящему «цивилизовать» Россию⁴⁸.

Даже если рассуждение о «цивилизованном» характере России носит у Форнеро ограниченный характер, его точка зрения кажется достаточно близкой к мнению ранее цитированных мыслителей. Действительно, Запад представляется ему не только как хранилище добродетелей. Русские же, в его представлении, взяли у Запада отнюдь не только то, что заслуживало заимствования. Даже если в свете недавних исследований трудно согласиться с этой точкой зрения, интересно отметить ее близость взглядам Дидро, который писал в 1774 г.:

Вполне определено, что русские, совершившие путешествия, принесли в свое отечество недостатки народов тех стран, в которых они побывали, а вовсе не их мудрость; лишь одни пороки и ни одной добродетели. Я считаю, что путешествия более портят молодых людей, нежели просвещают их⁴⁹.

Утверждая, что нравы в допетровской России были более здоровыми, Форнеро близок ко взглядам еще одного критика петровских реформ, известного историка князя Михаила Михайловича Щербатова. Тот считал, что вступление России на путь Просвещения сопровождалось упадком нравов: эта идея была вынесена им в заглавие произведения, где он ее раскрыл. Но превозносимые им добродетели соответствовали консервативному, застывшему обществу. Борьба с суевериями привела к утрате религии, о чем Щербатов сожалеет, к подрыву устоев семейной жизни, непочтению к родителям, а также к потере понятий долга, чести, дружбы, верности отечеству и государю.

Согласно Форнеро, образование, которое сопровождает усилия по «цивилизации» России, лишь усугубило положение. Будучи сам губернатором и хорошо понимая значение образования для формирования элиты государства, он объясняет образовательный провал отчасти

---

⁴⁸ См.: Dulac G. Quelques exemples de transferts européens du concept de civilisation // Les Equivoques de la civilisation. Seyssel, 2005. P. 106–135.

⁴⁹ Diderot. Observations sur le Nakaz, 1774. Благодарим Ж. Дюлака за сведения о ст. 59 Заключений на Наказ.

«дурным выбором преподавателей, представлявших собой, в основном, отбросы европейского общества»⁵⁰.

Форнеро критически судит о степени европеизации русского дворянства:

<...> лишите в одночасье дворян их знания французского языка и французской моды, их очень поверхностных знаний в науке и литературе, которые они приобрели, владения приемами игры в карты и танцами, верните им островерхие колпаки, бороды и длинные кафтаны, и вы увидите их точно такими, какими они были век назад⁵¹.

А народ и вовсе «нисколько не изменился; он точно так же груб, невежествен, суеверен и, возможно, еще более несчастен, чем ранее»⁵².

Автор стремился разрушить «русский мираж», ослеплявший тех, кто полагал, что отныне свет идет с Севера, кто утверждал, что просвещенная правительница Российской империи отнюдь не деспот и что, руководствуясь советами философов, она ведет свой народ к счастью. Форнеро цитировал немецкого профессора Московского университета, который, произнося в 1790 г. торжественную речь, говорил об «обязанностях монархов по отношению к народу», за что стал объектом критики своих коллег и русского дворянства. В конце концов слово «обязанности» заменили на «достоинства».

Когда великие мира сего, литераторы и так называемые философы, думают так о своем Правительстве лишь потому, что оно не рубит головы каждую минуту, сколько еще придется ждать той революции, которую славный немецкий профессор без всяких оснований приписывал Екатерине II? Во всех других странах именно литераторы и философы открыли и предали гласности те великие принципы, на которых должно быть основано процветание империй и частных лиц. В России, наоборот, такие качества, как подобострашие, малодушие, эгоизм и предрассудки большинства дворян и литераторов, кажется, объединились, чтобы подавить эти великие священные принципы. И в результате зловонное дыхание деспотизма проникает в души, лишает их всякой энергии и губит ростки всех добродетелей⁵³.

Самодержавие и характер русских

Вопрос о перспективах цивилизации России автор ставит в прямую зависимость от характера русских. Особенно его занимает характер русских дворян, поскольку он был знаком со многими из них и, кажется, эти контакты оставили в нем чувство обиды. Его характери-

⁵⁰ Coup d'oeil. P. 23.

⁵¹ Ibid. P. 23–24.

⁵² Ibid. P. 24.

⁵³ Ibid. P. 41.

стики представителей русского дворянства не слишком оригинальны: внушительный список пороков, которые он им приписывает, очень напоминает написанное многими другими современными ему авторами. По мнению Форнеро, русский дворянин

...самодоволен и самоуверен по своему характеру, весел, чувствителен и склонен к состраданию по своему темпераменту, эгоистичен, черств, жесток, вспыльчив и раболепен по воспитанию, обладает известной терпимостью из-за своего безразличия и очень гостеприимен, как по причине безделья, так и по природной склонности. Он недоверчив, подозрителен и очень осторожен, как по невежеству, так и в соответствии со своими принципами, он скуп ради удовольствия быть скупым, и афиширует свой либерализм; он очень активен, когда ему это выгодно, он вял, инертен и изнежен телом⁵⁴.

Автор, однако, пытается избежать систематической стигматизации и чрезмерно широких обобщений, способных вызвать лишь ироническую улыбку. Он даже подчеркивает, что среди русских есть люди, которые своими добродетелями делают честь национальному характеру и что сей грустный портрет «найдет, возможно, прообразов больше, чем мы думаем, в других странах, нежели в России»⁵⁵.

Однако некоторые из его замечаний заслуживают внимания. Форнеро подчеркивает гипертрофированное чувство «национальной гордости», которое побуждает русских дворян искать древних предков, прибегая к сомнительным этимологиям, единственной целью которых является доказательство всем и самому себе древнего, а, если возможно, и античного происхождения русского народа. Он говорит о скифах, сарматах и славянах, среди которых русские ищут своих предков. Весьма симптоматично, что автор упоминает, в связи с этим, князя Потемкина. Слава Потемкина в это время была огромна, и высмеять его означало вызвать дополнительный читательский интерес⁵⁶.

Обратная сторона этой национальной гордыни – желание обойти молчанием «пороки нации»: не только правительство, но и дворяне очень неохотно высказываются относительно внутренних дел империи. Исключение составляют несколько крупных аристократов, оппозиционно настроенных или близких к иностранцам.

Форнеро представляет русских людьми с неразвитой инициативой, во всем полагающихся на Бога: *так Бог велел*, вот одна из ключевых фраз, которую постоянно слышишь из уст у русских⁵⁷.

⁵⁴ Coup d'oeil. P. 31.

⁵⁵ Ibid. P. 33.

⁵⁶ Ibid. P. 29-30.

⁵⁷ Ibid. P. 59.

Признав, что русские прежде могли быть лучше, Форнеро пытается определить, когда произошло в первый раз «ухудшение их характера». По его мнению, это могло произойти во времена Ивана Грозного из-за массовых убийств и притеснений дворянства. Петр I взял Ивана Грозного за образец, из-за чего после его правления «среди русских не отмечается более ни одной черты, которая характеризовала бы величие, силу и энергию души»⁵⁸.

В рассуждениях о характере народов в то время обязательной была ссылка на Монтескье и его теорию климата. Как и в отношении Вольтера, Форнеро приводит идеи Монтескье с тем, чтобы показать затем их несостоятельность. Если русские любят охоту и менее чувствительны к боли, чем другие народы, соглашается он с Монтескье, то, вместе с тем, они не любят воевать и небезразличны к любовным утехам⁵⁹. Это утверждение служит автору для того, чтобы продолжить длинный список пороков, присущих русским: он говорит о «чрезмерной развращенности, которая царит в России во всех сословиях и присуща всем возрастам» и неспособности русских хорошо воевать. Этот последний вопрос получит подробное развитие в нескольких главах его книги.

Если дворяне и недобродетельны, то сейчас они, по крайней мере, свободны: и Форнеро, действительно, признает за ними это качество, полученное в силу права покинуть службу, данного им в период царствования Петра III. Он даже говорит о своего рода фрондерстве, которое позволяют себе некоторые русские дворяне, и утверждает, что Москва, которую он так хорошо изучил, живя в ней много лет,

...представляет собой, в том отношении, поразительную картину очень демократической Республики посреди абсолютно деспотичной Империи; в Москве говорят с невероятной свободой суждений, и от этого никому никогда не было никакого зла, исключая настоящих заговорщиков⁶⁰.

Но Форнеро, если можно так сказать, возвышает этих дворян лишь для того, чтобы больше их унижить, потому что, если они призваны предстать перед своим «деспотом»,

...мы видим, как они дрожат, бледнеют и, не осмеливаясь поднять на него глаза, бормочут что-то в ответ на вопросы, которые им задают⁶¹.

Печальна судьба других слоев русского населения: дворянство презирает буржуазию, и это презрение та вполне заслужила, потому

⁵⁸ Coup d'oeil. P. 37-39.

⁵⁹ Ibid. P. 34.

⁶⁰ Ibid. P. 43.

⁶¹ Ibid. P. 44.

что невежественна и груба, а судьба крестьян «в тысячу раз хуже судьбы животных»⁶². И здесь также, среди крайних и безапелляционных суждений, встречаются интересные наблюдения, которые свидетельствуют об опыте жизни автора в России. Он говорит о ненависти крестьян к иностранцам, которых обвиняют в том, что они были основной причиной изменений, произведенных Петром I, в том числе самого губительного – рекрутского набора на военную службу⁶³. Форнеро отмечает также суеверие крестьян и свидетельствует об их стойкой неприязни к Церкви. Он пишет, что русский крестьянин, как и любой другой народ в другой стране, «который считается вполне цивилизованным», «принужден лживыми и глупыми священниками следовать бесплодным, нелепым и лицемерным ритуалам, которые они осмеливаются называть священным именем Религии»⁶⁴. Автор констатирует и другие черты характера русского крестьянина, например, его лень, которая, по мнению Форнеро, объясняется отсутствием собственности.

«Колосс на глиняных ногах»

Эта логика приводит автора к желанию разрушить то, что он считает великим мифом своей эпохи, а именно представления о могуществе Российской империи. Форнеро проводит методическую критику этого мифа, начиная с оценки физического сложения русских и заканчивая характеристикой их оружия.

По его мнению, если русские и обладают крепким здоровьем от рождения, то их «дикий» образ жизни не позволяет надолго сохранить полученную от природы силу. Автор говорит о «полном небрежении к любого рода заботам о своем здоровье»⁶⁵. Это касается и простолюдинов, и, тем более, дворян, которые «изнежены» и гонят прочь от себя все, что «могло бы нарушить сладость их инертного и чувственного существования»⁶⁶. Форнеро рассматривает поочередно различные аспекты (продолжительность жизни, продолжение рода, болезни и т.д.) и, ссылаясь на свидетельства знакомых врачей, приходит к безапелляционному заключению: русский народ не обладает сколько-нибудь выдающимися физическими данными. Практикующие врачи, почти все иностранцы, народу абсолютно бесполезны и «в большинстве своем умеют лишь прикончить больного»⁶⁷. Русская баня также не вызывает симпатий нашего автора.

⁶² Coup d'oeil. P. 45–48.

⁶³ Ibid. P. 49.

⁶⁴ Ibid. P. 50.

⁶⁵ Ibid. P. 54.

⁶⁶ Ibid. P. 55.

⁶⁷ Ibid. P. 59.

Форнеро также касается важнейшего, как ему кажется, вопроса здоровья солдат, которые часто заболевают, как только оказываются в менее холодном климате. Огромные потери, которые русские несут во время войн (автор делает тщательный подсчет⁶⁸), вкупе с общей высокой смертностью, приводят к тому, что население Империи оказывается не столь значительным, как можно было бы думать. Эти огромные потери можно считать результатом нелепой жадности враждовать по любому поводу со всеми, особенно свойственной Екатерине II.

Приводя официальные данные о численности русской армии, Форнеро оспаривает их под предлогом того, что ни один русский полк никогда не бывает полностью укомплектован. Жалованье в армии ничтожно, а обращение с солдатами отвратительное. На службе они сталкиваются с голодом, что объясняет «дух мародерства, хищений и грабежа, столь невыгодно отличающий русскую армию от всех других регулярных армий в Европе»⁶⁹. Говоря о взятии крепости Измаил, Форнеро рассказывает о грабежах и массовых убийствах, которые его сопровождали⁷⁰. Он комментирует также Итальянскую кампанию, в которой русские «грабили, разоряли, сжигали и убивали, не отличая друзей от врагов, и совершали жестокости, которые сделали их предметом ненависти народов несчастных долин, по которым они проходили»⁷¹. При всем этом, по мнению Форнеро, русским солдатам недостает обдуманной смелости, жадности славы, любви к родине и к своим обязанностям, что делает их «рабски покорными автоматами»⁷².

Вполне естественно задаться вопросом, как русские, имея так мало солдат и к тому же таких плохих, да еще со столь отвратительным командованием, одержали в том веке столько побед? Форнеро сам его себе задает и ловким приемом выходит из трудного положения, заявляя, что не только русские были малочисленны, но и их противники были в еще меньшем числе, чем это заявляли русские!

Он несколько путается в своей аргументации, сначала высмеивая русских, которые верят во всемогущество иностранных военных⁷³, а затем приписывая морские победы «храбрости Элфинстонов, Грейгов, Крузе, Уинтов, Пол-Джонсов и Нассау», что выглядит странным, если вспомнить о жестоком поражении последнего в сражении при Свен-

⁶⁸ Coup d'oeil. P. 60–61.

⁶⁹ Ibid. P. 80–84.

⁷⁰ Ibid. P. 146–150.

⁷¹ Ibid. P. 201.

⁷² Ibid. P. 202.

⁷³ Ibid. P. 65.

скунде или о победах «какого-то там» адмирала Ушакова⁷⁴! Еще более удивительным кажется то, что Форнеро писал о Суворове в тот самый момент, когда русский генерал бил французов в Италии. Со слов Форнеро, Суворов «всего лишь солдафон, большой оригинал, жестокий, очень лицемерный и без всякого образования; к тому же, он храбр, только когда пьян, что с ним очень часто случается; впрочем, он не обладает ни одним из качеств, необходимых главнокомандующему, и, в лучшем случае, был бы хорош для исполнения чужих приказов»⁷⁵. Форнеро уделяет Суворову половину 23-й главы, пытаясь доказать, что победами в Итальянской кампании Россия несколько не обязана талантам Суворова, который «ломится в открытые двери»⁷⁶. Желая любой ценой убедить читателя, что у русских нет хороших солдат, Форнеро вступает в противоречие сам с собой, утверждая, с одной стороны, что во время русско-турецких войн турок часто охватывал «глупый панический ужас», а с другой – что они были «несравненно более смелыми и стойкими, чем русские»⁷⁷. По его словам, основным средством русских при взятии большинства турецких крепостей были деньги: «Когда они смогли подкупить комендантов, все эти укрепления, за несколькими исключениями, последовательно оказались в их руках лишь по одному их приказу или при звоне их рублей»⁷⁸. Так же Форнеро характеризует все крупные сражения времен царствования Екатерины II.

В подробном описании собственно русской армии автор старается придать убедительность своим словам, приводя точные цифры. Говоря о русско-шведской войне 1788–1790 гг., он заявляет о малочисленности и ужасающем состоянии русских войск на этом театре военных действий⁷⁹. Можно только удивляться тому, как губернёр мог получить столь обширную информацию. В качестве своих источников Форнеро, не называя имен, ссылается на неких знакомых из числа старших офицеров, которые с ним откровенничали, и на некоторых солдат... Он также предлагает читателю обращаться к описаниям, оставленным очевидцами событий или «иностранными участниками», а не к творениям «находящихся далеко историков», которые основываются «на сообщениях безответственных журналистов и предубежденных или заинтересованных людей», чем явно намекает на Вольтера.

⁷⁴ Coup d'oeil. P. 65.

⁷⁵ Ibid. P. 87.

⁷⁶ Ibid. P. 199–201.

⁷⁷ Ibid. P. 115.

⁷⁸ Ibid. P. 136.

⁷⁹ Ibid. P. 75–78.

Пропаганда и успехи русской армии

Говоря об иностранной прессе, публикующей новости из России, Форнеро описывает ее как «лживую» или «продажную», намекая на звонкую русскую монету, которой щедро оплачивались статьи в пользу России. Рассказывая о злоключениях русских в ходе войны со Швецией в 1790 г., Форнеро упоминает некоего журналиста из Гамбурга, который

...опираясь на абсолютную подлинность одного письма, написанного из Кронштадта в это время, говорил о волонтерах, решительно поступающих на воинскую службу, которые прибывали каждый день в большом количестве в этот морской порт, чтобы просить зачисления на службу, и что их было бы еще больше, если бы они не испытывали непреодолимого нежелания не расставаться с бородой, которую им отрезают, когда они становятся солдатами⁸⁰.

Для Форнеро, который не верит, что русские «рабы» могут быть волонтерами, это всего лишь выдумка. «Бедные читатели, – восклицает он, – как вас обманывают и как смеются над вашим невежеством и доверчивостью!»⁸¹ К этой теме он неоднократно возвращается на протяжении всей книги⁸².

Он посвящает целую главу сражениям русских с пруссаками⁸³ и еще одну – успехам русских в войне 1768 г.⁸⁴ Форнеро утверждает, что в больших сражениях Семилетней войны – при Кунерсдорфе, Цорндорфе и других – русские имели значительное численное преимущество над прусской армией, но «не осмеливались ее атаковать и постоянно ограничивались оборонительными действиями под защитой своих укреплений». Он очень хочет доказать, что мощь русской армии является в большей степени плодом пропаганды, нежели реальностью. Форнеро обвиняет, прежде всего, самих военных в том, что они преувеличивают свои успехи: взятие «ничтожной развалины» преподносится как овладение важнейшей крепостью противника⁸⁵. Затем он подвергает критике Екатерину II, которая, следуя примеру Карла V, «создает преувеличенное впечатление о своей мощи, ресурсах и успехах, занижая собственные потери и преувеличивая потери неприятеля»⁸⁶. Автор считает, что для этого она заваливает подарками и пенсиями своих по-

⁸⁰ Coup d'oeil. P. 79.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid. P. 189.

⁸³ Ibid. P. 103.

⁸⁴ Ibid. P. 112–127.

⁸⁵ Ibid. P. 122–123.

⁸⁶ Ibid. P. 113.

читателей, вроде «всяких Вольтеров, Дидро, д'Аламберов и Гриммов», щедро оплачивает иностранную прессу и т.д. В свою очередь, императрицу «так окружили ложью и лестью, что она сама была убеждена в достоверности всего, о чем говорила, точно так же, как убедила всю Европу в том, что она величайшая из всех когда-либо существовавших монархов, что русская нация первейшая в мире, что ее армия самая грозная из всех армий»⁸⁷ и т.д.

В ходе Семилетней войны победы России, действительно, были предметом широкого обсуждения, которого Форнеро не касается, замечая, однако, что военные успехи обеспечиваются не только штыками и пушками, но им также способствуют усилия прессы и литераторов, близких русскому и прусскому дворам. Так, в «Письме друга из Лейдена своему другу в Амстердаме» можно прочесть замечания по случаю сражения при Цорндорфе: «Неприятно для русских то, что они выигрывают сражения так, как другие их проигрывают, и что их победы так походят на поражения, что даже самые проникательные наблюдатели оказываются обманутыми»⁸⁸. Форнеро также говорит о преувеличениях в отчетах о русско-турецких войнах, показывающих, что императорский двор стремился представить события в наиболее выгодном для себя свете⁸⁹.

Обида гувернера

Книга Форнеро является редким примером литературного творчества иностранных гувернеров, работавших в России. Редким, но не единственным: многие гувернеры оставили после себя интересную переписку (Ромм, Демишель, Прадель де Ламаз), личные дневники (Биго де Морог), а также опубликованные или неопубликованные рукописи с информацией о принимавшей их стране. Один из них привлек наше внимание, так как затронул некоторые из тех же тем, которых коснулся и Форнеро.

Речь идет о человеке, писавшем под псевдонимом Жан Дезессар. Его настоящая фамилия – Мог (Maugues). Он автор книги «Путешественник в Московию, или Русские письма»⁹⁰. Дезессар встает на защиту России и ее правителей, говорит о победах России в Семилетней войне, подвергая критике пропагандистские пасквилы Фридриха

⁸⁷ Coup d'oeil. P. 113.

⁸⁸ Lettre d'un ami de Leyde à un ami d'Amsterdam ou remarques sur les relations russiennes de la bataille de Zorndorf. Leyde, 1758. P. 5.

⁸⁹ См., например: Coup d'oeil. P. 133-134.

⁹⁰ Российская Национальная Библиотека. О.Р. Fr. Q.XV.38, 95 f°.

Великого⁹¹. Дезессар и Форнеро имеют диаметрально противоположные точки зрения по вопросу русских реформ, в частности военных, и их результатов, несомненно, из-за различий в их биографиях. Дезессар начал заниматься русской тематикой в тот момент своей жизни, когда сблизился с самыми важными лицами в иерархии Российской империи, в том числе с графом Кириллом Григорьевичем Разумовским, своим работодателем, и Иваном Ивановичем Шуваловым, организатором русской пропаганды, в которой перья французских литераторов играли важную роль⁹².

Карьера же Форнеро, как мы видели, была совершенно иной. Он всего за несколько лет до публикации своих антироссийских памфлетов воспевал добродетели русского воинства в «Оде на мир, заключенный в Яссах между Россией и Оттоманской Портой»⁹³. Конечно, жанр оды предполагает известную долю лести, и было бы нелепо требовать искренности от автора в таком произведении. Но все же трудно не сопоставить эти 32 двенадцатисложных александрийских стиха, достойных лучших образцов придворной льстивой поэзии, с позднейшими утверждениями Форнеро.

Турки представлены в его оде опозоренными и побежденными («Дрожите, мусульмане! Прольется ваша кровь...»), ибо «ничто не может противостоять северным Геркулесам»⁹⁴. Воспеты герои русско-турецкой войны Репнин, Гудович и Ушаков. Заслуги Екатерины II отмечаются довольно схематично, но с завидным постоянством:

О! Если б знали они эту Благородную душу,
Разве могли бы они сомневаться в ее намерениях,
И приписывать ей честолюбивые планы?
Волею своей управляя огромной Империей,
Она увлечена и мечтает
Лишь о счастье своих многочисленных подданных⁹⁵.

Несомненно, что это упражнение в придворной лести, но «Ода» сообщает нам некоторые детали об авторе «Взгляда» на конкретный момент его пребывания в России. Произведение написано в большой спешке: мир был заключен в конце декабря, а «Ода» опубликована уже

⁹¹ О Дезессаре и его произведении см.: *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Шевалье Дезессар, московский губернатор и писатель (из французских контактов И.И.Шувалова) // *Философский век. Просвещенная личность в российской истории.* СПб., 1998. С. 220–240.

⁹² См. об этом: *Rjéoutski Vl.* L'Image de la Russie en Europe : Ivan Chouvalov et son réseau français // *Image de l'Étranger.* P., 2010. P. 47–69.

⁹³ *Ode sur la paix Conclue à Yassy Entre la Russie et la Porte Le 29 Decembre 1791.* Par Fornerod. A Moscou, janvier 1792.

⁹⁴ *Ibid.* P. 11.

⁹⁵ *Ibid.* P. 8.

в январе, что автор не преминет отметить на титульном листе издания. Само это уточнение выдает его желание быть замеченным: он, несомненно, рассчитывает на высокое покровительство, возможно даже, самой императрицы, которая могла бы оценить его литературный талант и верноподданнические чувства.

Но ожиданиям Форnero не суждено было исполниться. Обстоятельства его отъезда, кажется, подтверждают это предположение: Форnero уехал в то же время, когда Россию покидали французы, отказавшиеся принести присягу верности французской монархии. Вероятно, ничто более не удерживало его в этой стране, где он не нашел себе высокого покровителя, и он не захотел отрезать себе путь к возвращению, примыкая к лагерю врагов революции.

В этом контексте резко враждебный России тон его книги, вышедшей в Швейцарии несколько лет спустя, должен рассматриваться не только как плод размышлений автора над судьбами русского государства и русского народа. В его тоне чувствуется обида: не сумев сделать карьеру в России, Форnero обратил свою неприязнь против страны, не оценившей его «по достоинству». Его книга вышла то время, когда Россия была у всех на устах: в 1798 г. Россия вступила во Вторую антифранцузскую коалицию, а в 1799 г. Суворов разбил французов в Италии. Утверждая то, что могло показаться парадоксом после стольких поражений, нанесенных русскими Оттоманской Порте, в то самое время, когда Суворов одерживал победу за победой в Италии, критикуя «русский мираж» философов Просвещения, предрекая ослабление России и близкую революцию, которая свергнет с трона деспота Павла I, в момент, когда Наполеон вынашивал амбициозные планы в отношении Европы, Форnero рассчитывает привлечь внимание публики и взять своеобразный реванш. Он, кажется, не ошибся в расчете: увидев свет в июле 1799 г., его книга привлекла внимание читателей и уже через месяц была переиздана.

История этого гувернера напоминает некоторые аспекты жизни и творчества Массона де Бламона. В 1788 г. Массон написал панегирик⁹⁶, посвященный великим князьям Александру и Константину, преподавателем которых он вскоре стал. Сторонник революции, он был уволен со своей должности после воцарения Павла I, **выслан из России**, за что отомстил в своих «Секретных записках о России времени

---

⁹⁶ Торжество на прибытие их императорских высочеств государей великих князей Александра Павловича и Константина Павловича при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе 4 августа 1788 г. Творение г. Массона де Бламон, перевод г. Шиповского. СПб., 1788, текст на русск. и франц. языках.

царствования Екатерины II и Павла I» (Paris, Т. 1–2. 1800; Т. 3. 1802). Однако критика Массона затрагивала правительство, а не весь народ, которому автор выражал признательность за оказанное ему гостеприимство. Его критические выпады были уравновешены несколькими положительными эпизодами. В противоположность устойчивому успеху книги Массона (она выдержала несколько изданий и была переведена на другие языки) книга Форнеро не получила широкого признания, и царским властям не потребовалось прилагать усилий, чтобы нейтрализовать ее влияние, как это было с «Секретными записками».

Книга Форнеро еще более, чем «История Российской империи» Вольтера, носила предвзятый характер, и в этом ее большой недостаток. Читатель не мог не обратить внимания на настойчивость, с которой автор пытался навязать ему некоторые идеи. Вероятно, в этом кроется одна из причин, по которым она была практически забыта и не вошла в число значимых свидетельств иностранных авторов о России.

Однако, несмотря на едкость и суровость суждений Форнеро, зачастую крайних и несправедливых, его книга представляет интерес. Отметим, прежде всего, довольно хорошее знание автором русской истории: он почти всегда подкрепляет свои высказывания ссылкой на факты, выгодно отличаясь от многих своих предшественников, которые почти ничего не знали об истории страны, в которую приехали. Отталкиваясь, вероятно, от истории, написанной Вольтером, он противопоставляет идеям французского философа иную версию истории России, менее «философскую», содержащую подчас больше нюансов.

Важным аспектом является критика русской пропаганды. Большая часть книги прямо или косвенно посвящена этому вопросу: говоря о численности русской армии или о ее победах, Форнеро стремится везде показать лживость образа, который представляют западной публике русский двор, льстецы-философы и часть европейской прессы, которую автор называет «продажной» и «пристрастной». Конечно, и до него звучали голоса, говорившие то же самое и, возможно, с большим талантом, хотя и не так подробно. Мирабо, критикуя Вольтера, спрашивал, «почему историки, говорящие о мертвецах и об иностранных мертвецах, оскверняют свое перо, прибегая к голословным выдумкам и ненужным неточностям»? «Они льстят умершим, но обманывают живых»⁹⁷.

В книге Форнеро мало пишет о своей работе гувернера, потому что занят иной темой. Тем не менее он сообщает некоторые интересные детали, которые рисуют портрет ожесточившегося преподавателя,

⁹⁷ Цит. по: Lortholary A. Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951. P. 71.

презирающего свою профессию – удел разносортных иностранцев, со снисхождением относящегося к своим работодателям, «неспособным» отличить достойного представителя этой профессии от проходимцев. Можно представить себе любознательного и наблюдательного человека, интересующегося историей принявшей его страны, не лишенного литературного таланта, имеющего широкий круг знакомых, не ограниченный только его работодателями, как это бывало с некоторыми его коллегами, но включавший представителей разных кругов, в том числе военных. Эта сеть знакомств снабдила его богатой информацией о стране и о жизни различных слоев ее населения. Книга Форnero показывает нам не только образ России, сформировавшийся в сознании иностранного наблюдателя, но и является интересным документом, позволяющим расширить наши знания об иностранных воспитателях, работавших в России.